Евгения Хамуляк
Имя, фамилия - судьба
16+

Евгения Ивановна Хамуляк

Имя, фамилия – судьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66070836
SelfPub; 2021

Аннотация

Что делать, если вас все время называют чужим именем? Даже ваш духовник, святой отец, и тот путается за кого молиться.

А может быть, именно в имени лежит причина всех ваших неудач? И если его поменять, то…

Так и подумала героиня этого рассказа Юлия Алексеевна Кенглаткина и пошла в ЗАГС.

Евгения Хамуляк
Имя, фамилия – судьба

А может быть, нас обманывают и никакой старости нет.

Юлию Кенглаткину не любили вызывать к доске. Нужно было иметь идеальные дикцию и нервы, чтоб выговорить ее фамилию с первого раза, не чертыхнувшись. Поэтому за глаза дети да и учителя называли девочку Колготкиной. Во взрослой жизни ничего не изменилось. Зато Юлия легко находила друзей, отличая их от недоброжелателей. Друзья изначально кто как мог запоминали ее фамилию, зная и видя, что коверканья женщине неприятны. Зеваки, прохожие и проходимцы, обзывающие ее всевозможными носочно-чулочными изделиями, Юлию не интересовали, поэтому она даже не удосуживалась поправлять их кувыркания в алфавите, из которого состояла ее фамилия.

Однако когда она заделалась налоговым инспектором, фамилию Кенглаткина многие стали знать на зубок, вспоминали в темноте и спросонья, но по странной случайности периодически называли ее вместо Юлии Викторией Алексеевной Кенглаткиной.

Выйдя на пенсию, Юлия Алексеевна занялась травничеством, которым раньше баловалась как хобби, подлечивая родных и близких, а порой сослуживцев и подопечных сбо-

рами трав от сердечных и мозговых болезней. Но и здесь коллеги по русскому полю упорно звали ее Викулечка-Викуся, чертыхались, вспоминали, что она Юлечка-Юлек. Беда пришла откуда не ждали. Последнюю каплю в жгучий кипящий ерш словокувыркания добавил отец Антоний, духовник Юлии Алексеевны, однажды слушая исповедь своей прихожанки, что Господь одарил ее здоровьем, долголетием, хорошими и верными друзьями, но совсем не подарил семейного счастья.

– Виктория, неужто тебе мало? Опомнись, у кого-то и здоровья нету. Господь все видит и знает, кому что раздавать и в какой срок.

Юлия Алексеевна посмотрела на отца глазами, в которых разгорались огни инквизиции.

– И вы туда же, батюшка, – произнесла она тоном инспектора инквизиции по налогообращению и, не прощаясь, вышла из церкви навсегда. Хотя это не обожгло сердца Юлии и она не перестала верить в истинного Бога, решив, что зря все это время ждала чуда, молясь небесам. Скорее всего, в планах Всевышнего было научить ее действовать ради своего счастья, а не ждать манны с небес 60 лет, как она делала до этого момента.

На следующий же день Юлия Алексеевна начала действовать, обратившись в ЗАГС по месту жительства с необычной

просьбой. На нее посмотрели с открытым осуждением.

– Что ж вы, женщина, 60 лет счастливо прожили Юлией, а теперь Викторией хотите стать? – спросила регистраторша, представляя себе объем предстоящей работы.

– Несчастливо, – обмораживающим тоном налогового инспектора ответила Юлия Алексеевна.

Сотрудница примолкла, исподлобья глядя на странную визитершу.

– Ну хорошо, гражданка Кен… Кенла… Келнг… Кегалкина…

– Кенглаткина, – поправила ее тем же тоном все еще Юлия Алексеевна.

– Да, – потея, согласилась сотрудница ЗАГСа, протягивая список необходимых документов для смены имени.

– Может, заодно и фамилию смените? – мышиным шепотом посоветовала девушка и втянула голову в плечи, будто ее собирались рубить с плеча.

Юлия Алексеевна задумалась. Ушла домой. Но пришла на следующий день.

– Да, хочу быть Краюшкина Виктория Алексеевна. Краюшкина – девичья фамилия моей матери.

– Хорошо, – уже без осуждения со смирением проговорила Алена, сотрудница ЗАГСа. – Держите дополнительный список документов. Требуются все оригиналы. Ждать месяц, может, два. Кстати, нас объединяют с другим департаментом, поэтому как придете с новым паспортом, я же вам пе-

реоформлю прописку, загранпаспорт, всю документацию на дом, внесу изменения в домовую книгу и квитанции, помогу составить заявления в МВД, на права, на авто.., – перечисляла и перечисляла Алена. – Волокиты много. Но думаю, все сделаем наилучшим образом в кратчайшие сроки.

– Спасибо, – поблагодарила Юлия Алексеевна и легкой девичьей походкой отправилась по волокитным делам, занявшим все свободное время – она пропустила весенние выезды за первоцветами, такими ценными после зимней спячки.

– А ведь самое время заготавливать подорожник, Юля, – настоятельно советовала поехать в двухдневный тур Варвара Анатольевна. – Ой, то есть, Вика, – тут же поправилась коллега по травам, никак не могущая привыкнуть к капризу подруги сменить имя.

– Спасибо, Варечка, но надо уж закончить дело, раз начала.

– Тоже верно, …Вика, – соглашалась добрая подруга.

Не все из друзей девушки, знавших фамилию по слогам, согласились менять Юлю на Вику в телефонной книге. Кто-то в лицо отказывался, кто-то про себя. Некоторые, чтоб не запутаться, пока называли свою подругу «Юля с Викой» или «ВикЮля». Справлялись и привыкали кто во что горазд и как позволяли им чувство юмора и такта. Юлия Алексеевна не обижалась, так как отчасти понимала друзей: ведь это не

им нужно было действовать, не им что-то менять в жизни, не им искать счастье, но ей.

Месяц сбора справок, оказавшийся трехмесячным трудовым лагерем, пролетел одним днем, и, когда все бумаги были отданы на руки Алене, которая разослала их всевозможным ведомствам на разумение, Юлия Алексеевна наконец смогла расслабиться и отправиться в долгожданную поездку по сбору трав. На дворе стоял май – самое прекрасное и чудесное время для этого нужного и полезного занятия. Решили ехать на Алтай, последний оплот диких полей, видавших еще расхождение земных плит, по которым гуляли стада мамонтов.

Однако именно-фамильное проклятье продолжало висеть над Юлией Алексеевной даже в другом регионе, когда стречающий с табличкой, некий Виктор Алексеевич, пенсионер на подработке, не распознал между Краюшкиной Викторией Алексеевной и Юлией Алексеевной Кенглаткиной одну и ту же персону. Алтай – край далекий, красивый, но отсталый. Объяснения насчет смены фамилии и имени по философским измышлениям никак не укладывались в голове отставного майора полиции тоже с не самой выговариваемой фамилией в мире – Ватережскомский, не хуже Юлии Викторовны за жизнь рассортировавшего премного народу на друзей и врагов по той же причине. Схожести на этом не заканчивались. Как выяснилось позже, Виктор Алексеевич не нашел своей любви, хотя самолично отстроил замечательный

двухэтажный дом со всеми удобствами с видом на фантастический сад и красоты Алтая. Не хватало только жены и сына, чтоб разделить сие счастье родиться в раю.

Таким образом, разбирательство полиции с налоговой с применением харизмы с одной и другой стороны шло ровно полчаса, пока не выиграла налоговая, продемонстрировавшая на экране телефона скрины документов о смене ФИ. Алтай – край очень красивый, но все-таки далекий. Виктор Алексеевич не верил горящим неоном квадратикам из пластика, но доверял полицейскому чутью, которое уверяло, что сумасбродная баба все-таки не врет. Бывшая налоговичка и настоящая пенсионерка точно свихнулась и под конец жизни решила поменять имя и фамилию.

– Так я и не понял, как вас лучше величать-то: Юлией Алексеевной или Викторией Алексеевной? сверившись с бумагами, допрашивал бывший полицейский.

– Если вам так угодно, называйте пока что Юлией, – тоном инспектора по налогам отвечала женщина, – пока не придет официальное извещение, после которого в одностороннем порядке я извещу вас для полного вашего спокойствия. И вы сможете со всем официалом обращаться ко мне как к Виктории Алексеевне.

– Нашла коса на камень, – смеялись в сторонку подружки, зная, что их Юлечку, крепенького орешка, никто доселе не мог проломить и вряд ли сможет.

На том и порешили. Взяли вещи, загрузили в старенький, но резвенький уазик и поехали в самые недры Алтая за ценными травами, которые могли мертвого поднять. По крайней мере, в это верили Виктория-Юлия Алексеевна и ее подруги по травничеству, уже много лет доверяющие свое здоровье натуральным снадобьям, проверенным традициями и веками славно жившей их родины. От чего пенсионерки и в самом деле выглядели и чувствовали себя лучше, чем 30-летние молодцы и девицы, годящиеся им во внуки.

Виктор Алексеевич пребывал в прекрасном настроении, так как любил свой край, как родную мать, очень гордился, что Алтай славится на весь мир природой, ископаемыми, травами, воздухом. Является достоянием всей планеты! Принимал множество гостей и даже из дальнего зарубежья. Для этого пришлось заучить ходовые фразы на английском, китайском, японском, французском и даже корейском, чтоб рассказывать несчастным о тех дарах и секретах, что хранит Алтай для каждого смельчака, ступившего на его землю.

Однако глядя на команду травниц, во главе с сумасбродной пенсионеркой, Виктор Алексеевич впервые удивился ее безэмоциональному отношению к буйному разноцветью полей, бурлящим горным речкам, черной вулканической земле, бездонному небу, вводящим в благоговейное настроение. Все туристы, как угорелые, снимались с каждым кустом и

птичкой, но только не налоговичка – так обозвал про себя Юлию-Викторию Алексеевну Виктор Алексеевич. Несмотря на компанию, она стремилась отделиться, ходила по полям больше одна, не фотографировалась, только что-то записывала в свой блокнотик.

– Вас сфотографировать? – специально навязывался Виктор Алексеевич, пытаясь разглядеть каракули в ее дневнике – вдруг его грехи там записаны?! Ведь не даром час налоговая нагрянет, а он пенсионер, получается, работает нелегально. Чиновничьему отродью разве объяснишь, как нелегко прожить на одну на пенсию в наши дни? Да, даже дело не в этом, а в нужности и активности. Если человеку 60, что ж его на кладбище уже сносить? Или заставлять сидеть у дома на лавке и облака считать? Да у Виктора жизнь личная настоящая после пенсии только началась! Он родной край свой пешком исходил поперек да около. Огород возделывал. В следующем году пчел хотел завести. Все вечера чтению посвящал: мешал классику с пчеловодством. Уж больно и Тургенева мечталось познать, как раньше люди настоящие жили, и технику вопроса жизни в полевых условиях усвоить.

Но тетрадка быстро захлопнулась перед длинным носом молодого пенсионера. Виктор Алексеевич сделал выводы, что это чудо-юдо, хоть и весьма симпатичной наружности – конченый вариант. Во-первых, мужененавистница: сразу видно – вдова и, может быть, не единожды. Во-вторых, при-

родонелюбительница – это являлось еще более страшным грехом в глазах аборигена этой местности, где даже самые черствые сухари размокали от красоты окружающей среды. В-третьих и в-четвертых, женщина, очевидно, – изгой по натуре и просто плохого воспитания. Кстати, в провинции это являлось истиной: все москвичи таковые, им лишь бы хавать, тратить и наслаждаться. Разжирели там на столичных харчах, уже небо голубое не в радость.

Короче, мозолила глаза ему эта налоговичка, и не мог Виктор Алексеевич раскусить, что она за фрукт. Только ждал, чтоб побыстрее его работа закончилась, спокойненько без происшествий довезти бы группу травниц до перевала, а там хоть потоп. Осталось еще полтора дня помучиться.

Хотя остальные травницы-пенсионерки оказались весьма приятными путешественницами, несмотря на то, что тоже являлись москвичками. Угощали Виктора Алексеевича на убой, хотя он сам приготовился: бутерброды, термос с чаем, короче, голодным не останешься. Но вкуснейшие зеленые салаты, зеленые щи, зеленая окрошка, зеленые чаи, даже блины зеленые на всем протяжении путешествия влюбили в себя отъявленного холостяка, что даже бутерброды остались нетронутыми. А еще он был удивлен, сколько пропитания в природе водится при должных знаниях. Прямо под ногами и завтрак, и обед, и ужин. Кухней руководила налоговичка, но на том ее гостеприимство и заканчивалось. Подавали, кормили, ухаживали за ним другие пенсионерки.

– Юля наша, то есть Вика, – клад! – уверяли женщины, пробуя ее шедевры, состряпанные в походных условиях. – Она ж на подорожниках квас заквасила, как только мы в дорогу тронулись. И вишь, подоспел! Окрошка на квасу как хороша, согласитесь, милейший Виктор Алексеевич?

Виктор Алексеевич, который еще минуту назад объедался невероятно вкусным русским холодным блюдом всех времен и славянских народов, поперхнулся. Тут же вызвались похлопать его по бравой спине трое пенсионерок.

А поперхнулся, потому что вспомнил, как этот подорожник под его ботинком бывал. Как раз прогуливался он у уазика своего, пока пенсионерки рассаживались, как вдруг хмурая налоговичка, из-под земли возникшая, прямо из-под ботинка его подорожник вытянула:

– Поаккуратнее бы вы, товарищ, – недовольно сделала замечание женщина с трудной фамилией и двумя именами, – наступили на прекрасный лист подорожника.

А он знал, что тот съедобный? Ходил-гулял, мало ли травы под ногами, которую разные тети-моти собирают. А оно вон чего! Квас да окрошка, а потом оказалось, салат из него сытный да вкусный. После такого он бы не удивился, что и из мухоморов бефстроганов неплохой выходит!?

В общем, дождаться не мог, когда поездка закончится и сбросит он ярмо со своей шеи в виде чудной компашки с налоговой ведьмой-травницей во главе.

Правда, по дороге зарядил страшный ливень и сбил все

планы. В горах это обычное явление: то ни облачка, ни ветерка, а через час уже град с куриное яйцо бьет по крыше и темечку. На четыре часа опоздание к месту стыковки. Но это тоже было ожидаемо. Неожидаемым стало резкое похолодание и сильный озноб, охвативший Виктора Алексеевича, еще несколько часов назад браво разбирающего тент, чтоб спасти компанию травниц от дождя и града, а сейчас лежащего с температурой, с пылающим лбом и взглядом.

– А вас предупреждали, – сухим налоговым тоном отчитывала его Юлия Алексеевна. – Вы – бывалый путешественник, знаток этих мест, мудрый старый вояка, разве можно было с таким опытом рисковать здоровьем и на рожон лезть – с природой воевать?

– Так у меня экипировка, – оправдывался бывший полицейский, действительно будучи уверенным в своем снаряжении, много раз спасавшем его и от ветра, и от зноя, и от града. – И не оставлять же вас в машине куковать столько времени?

– А почему вы за нас решаете? Куковать нам или не куковать? Четыре часа б посидели, не скукожились. А по вашей вине теперь мы прибудем не вовремя. Другой вожатый будет волноваться. И мы потеряем один день пути.

То была правда. Имелась у Виктора Алексеевича непримиримая черта, порой, приводившая к разным затруднениям, – не мог без дела сидеть, прям руки чесались что-нибудь да поделать. У него и на работе, и с женщинами потому были

сложности: все куда-то бежит, едет, рубит, пилит, мастерит, лишь бы не бездельничать. Виктор Алексеевич невесело вытер испарину, решая, как же быть:

– Вы не пропустите ничего! Я вас довезу, даже если помру. Это моя работа, в конце концов! – он хотел вскочить, но тяжесть в голове, ком в горле и слабые ноги отказали в порыве чувств.

– Еще этого не хватало! – воскликнула Юлия Алексеевна, упрямой сухой ладонью останавливая больного. – Сейчас мы разобьем палатку, уложим вас в спальный мешок, напоим отваром из зверобоя и малины, которых в округе на роту хватит. Дальше вы мне передадите ключи от машины. Я отвезу подруг до следующего лагеря, чтоб они не потеряли хода. Вернусь к вам. Мы переночуем ночь в палатке, и на утро отвезу вас в ближайшую больницу.

– Я в больницу не поеду, – теперь заупрямился Виктор Алексеевич. – У меня дома антибиотики, жаропонижающие и бинты с йодом есть.

Юлия Алексеевна надула губки, чуть тронутые помадой, думая, как поступить, но решила отложить разговор с упрямцем на потом. Травницы-подруги захлопотали насчет чая и спального мешка. И как только Виктор Алексеевич был уложен, напоен, накормлен и ободрен и даже поцелован, внешне походя на довольную больную гусеницу, Юлия Алексеевна смелой рукой завела уазик и домчала подруг до назначенного пункта.

– Юля.., – хлопотали за нее подруги, – то есть Вика, а как же ты?

– Девчонки, да это не проблема, я вернусь в город и доеду оттуда автобусом до Ярового, где вы как раз будете уже через два дня. Ну пропущу пару дней. Не страшно. Не оставлять же этого Сапога в таком состоянии? Кто-то да должен пожертвовать собой ради него?

– А Сапог-то ничего, – посмеивались они вслед уазику, за рулем которого сидела Юля-Вика, не реагировавшая на подобные замечания.

Она приехала к ночи и застала Виктора Алексеевича спящим: температура спала, правда, он был весь мокрый и бледный, но уже в стабильном состоянии. Она захлопотала насчет нового завара, приготовила легкий ужин. Успела смастерить костер, и к ночи Виктор Алексеевич проснулся, обнаружив себя в убежище и при должном уходе. Ему тут же подали новый отвар, успокоили насчет состояния дел, предложили ужин. Кушали в молчании: каждый думал о своем, ведь дружба и приятие как-то сразу не заладились, поэтому поддерживать светские отношения не имело смысла. Но как только небо окончательно почернело и стали видны звезды, которые делали обстановку невыносимо прекрасной и дружелюбной, Виктор Алексеевич спросил:

– А почему вы решили поменять имя? – горло почти не болело, отвары, сон, крепкий мужской организм сработали

слаженно, вернув бывшему полицейскому здоровье.

Юлия Алексеевна долго размышляла над этим вопросом сама, записывала мысли в тетрадку, иногда получались стихи. Именно за этим занятием видел ее Виктор Алексеевич, думая, что налоговичка ведет какой-то список нарушений.

– От отчаяния, – просто ответила она и в двух словах пересказала, с одной стороны, очень счастливую, а с другой стороны, не менее трагичную свою жизнь, где было место любимым родным, близким, друзьям, работе, путешествиям, хобби, но только не мужу и деткам.

Виктор Алексеевич не знал, что ответить на сей счет, чтоб не обидеть спасительницу. А про себя подумал: разве смена имени должна была исправить ситуацию – помочь выйти замуж и родить детей?

– Я спать, – попрощалась Юлия Алексеевна после его продолжительного молчания. – Кстати, мне пришло сообщение от властей: смена имени полностью одобрена и подтверждена. Так что начиная с этого момента можете смело обращаться ко мне, как к Виктории.

– А Юлия вам больше шло, – вслед неслышно сказал Виктор Алексеевич.

На утро, согласно плану, они собрали вещи и двинулись в обратный путь. Решили разделить время за рулем между собой: несмотря на окрепший иммунитет, порой, Виктор Алексеевич бледнел и покрывался испариной – в такие мо-

менты его сменяла Виктория Алексеевна. Доехали без большого привала с небольшими остановками на перекусы.

Иногда останавливались для сбора трав. Виктор Алексеевич любезно согласился передержать мешки травы у себя дома до отправления их в столицу. В любом случае именно он должен был бы везти группу травниц в аэропорт назад.

Виктория Алексеевна была благодарна и, сухо пожав руку бывшему полицейскому, отправилась по своему маршруту в далекие алтайские дебри за чабрецом, тысячелистником, софорой японской и прочими чудодейственными травами, которые росли волшебными только в этом уголке света.

Через четыре дня, совсем оправившись от воспаления, Виктор Алексеевич надел свою самую белую, почти праздничную, рубашку и отправился на автобусную остановку, где еще недавно оставил Викторию Алексеевну, про которую денно и нощно думал все четыре дня разлуки, чтобы отвезти ее, травниц и их тюки до аэропорта. Через шесть часов у них должен был бы состояться полет домой, до столицы, где жили неприятные оборзевшие москвичи.

Пенсионерки-травницы приехали веселые и загорелые, и, как показалось Виктору Алексеевичу, даже серьезная Юлия, то есть Виктория, была особенно улыбчива и радушна с ним.

Он привез ей сохраненную траву, которую, словно родную, сушил дома на чердаке, любовно укладывая по мешочкам, которые нашел у себя в кладовой. И не зная, как вы-

разить свою благодарность за спасение и поддержку, просто сказал:

– Знаете, имя – штука важная, а все же многое зависит от нас самих. И если что-то не получилось, не надо винить судьбу или кого-то. Жизнь всегда дает шансы устроить все самым счастливым образом, но мы порой дуркуем и ничего не делаем. Так было со мною, потому я и живу как бобыль, а мог бы осчастливить кого-то, хотя бы из высоких человеческих порывов, про которые писали классики. Надеюсь, это получится у вас, дорогая Виктория.

Виктория Алексеевна смотрела на Виктора Алексеевича со все возрастающей тревогой, не совсем понимая, к чему эти нравоучения, больше похожие на признание в любви. И промолчала. Виктор Алексеевич, так и не дождавшись ответа или хотя бы намека, опустил голову:

– Знаете, имя Юля вам подходит больше. И если менять, то тогда отчество – на Юлия Цезаревна, – сказал он и, помахав на прощанье всей компании, ушел восвояси.

Подружки посмеивались над Сапогом.

– Вика, да он вроде как втюрился в тебя?!

– Ты посмотри, Сапог растаял перед нашей Снежной королевой!

– Еще бы! – подзадоривали Викторию Алексеевну всю дорогу подруги, и она под впечатлением от его слов, взглядов, от собственных ответных чувств, которые, словно птица фе-

никс, после многих лет возродились из пепла и не давали уснуть еще ночь после поездки, пошла на утро следующего дня в государственную контору.

Сотрудница Алена пребывала в самом прекрасном настроении, готовая вручить новые свидетельства и паспорта уважаемой пенсионерке, ради которой старалась, как для родной матери.., и услышала вместо слов благодарности просьбу поменять все назад.

С девушкой чуть не случился припадок. Она потеряла слух минуты на две, пока без звука слушала объяснения странной пенсионерки, что месяц работы, нервы, скурпулезное заполнение бумаг оказались напрасными.

Если б не возраст Алексеевны, Виктории или Юлии, Алена бы набросилась на нее с упреками и, может быть, тумаками, но чувствуя, что нечто странное произошло в жизни гражданки, ставшей какой-то другой, растерянной и задумчивой, Алена с обидой промычала:

– Вот вы влюбились, а мне теперь заново весь месяц заполнять формы и бумажки. А в МВД меня точно проклянут! Я им и в первый раз-то замучилась объяснять вашу ситуацию.

Юлия Алексеевна обняла Алену за плечи, улыбнулась и поцеловала ее в щеку.

А ведь действительно девушка права – Юлия влюбилась. Вот как это называлось! Вот какие трепыхания она чувствовала в груди, которой не помогли ни мелисса, ни валерьянка,

ни сон.

И придя домой, взяв в руки телефон, как волшебную палочку судьбы, про которую в аэропорту вещал Виктор Алексеевич, написала ему сообщение:

– Я уже у вас была. Может, теперь вы в гости приедете? Обещаю сводить на Красную площадь. Юлия Цезаревна.

Он прилетел сразу же, как только проводил последнюю группу. Они побывали на Красной площади, а также кушали в грузинском ресторане, подпевали поющим фонтанам, смеялись над клоунами в цирке, ездили на дачу к друзьям париться в бане и кушать шашлыки…

Они поженились через три недели и решили жить в прекрасном доме на Алтае среди диких полей чабреца и жимолости. А пока продавали столичную квартиру, зашли к Алене переоформить все паспорта, домовые книги, прописки, сноски, расписки и прочие бумажки с фамилии Краюшкина на Ватережскомскую.

Вместо конфет и шампанского Юлия Алексеевна подарила сотруднице ЗАГСа литровую бутылку настойки валерьянки и огромный букет сушеной мелиссы.